

В процессе смены номинаций персонажей (Парень → Евдокимов → Он → Голос Евдокимова; Девушка → Наташа → Она → Её голос) прослеживается логика смены имён: универсальное – частное – универсальное. То есть, некая пара (парень-девушка), наделяется конкретикой (Евдокимов-Наташа), погружается в контекст эпохи, а затем происходит её развоплощение (переход в голоса). Таким образом, исчезает конкретность, частность, и определённая ситуация ставится уже в ряд мировых историй любви с трагическим концом в финале.

Поэтому Гражданин, появляясь в начале пьесы, «открывает» первую страницу про любовь, а в заключении своим присутствием будто бы ставит точку. Так как уже в названии пьесы заложена семантика «границы», «цикличности», он закольцовывает данную историю. Намёк на повторяемость, бесконечность этой истории состоит и в том, что подруга Наташи Лилька даёт своему ребёнку имя Электрон, считая это имя «необычным» и «современным». Возникает преемственность, своеобразная реинкарнация, что отражено в конце, когда Наташа и Электрон превращаются в голоса, становясь бестелесными, существующими на метафизическом уровне. Их любовь вечна, не имеет телесных границ. Она была, есть и будет в любой другой истории, на любых других жизненных страницах про любовь.

Список литературы

1. Дубровская В.В. Литературоведение: художественный мир : учебно-методическое пособие / В.В. Дубровская; прим. и библиогр. Т.А. Богумил. – Барнаул : АлтГПА, 2014. – 123 с.
2. Радзинский Э. 104 страницы про любовь / Эдвард Радзинский. – Москва : АСТ, 2007. – 126 с.
3. Европейские имена: значение и происхождение. – URL : <http://kurufin.ru/index.html> (дата обращения: 11.04.2017)

*А. Шелепова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д. фил. н., профессор А. И. Куляпин*

РЕАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА КРАБА ЧЕРЕЗ ИНДУИСТСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

Аннотация

Роман «Факультет ненужных вещей» – вершина творчества писателя Юрия Осиповича Домбровского. Сюжет романа зиждется на библейских мотивах: красной нитью через весь роман проходит мотив предания Иисуса Христа Иудой, стремление главного героя – археолога Георгия Зыбина –

вернуть в устоявшийся антихристианский сталинский режим гуманистические, христианские ценности. Но роман уникален тем, что подобен бриллианту – также многогранен. В нем органично уместаются символы не только христианства, но и язычества, буддизма, индуизма. В данной статье проанализированы и описаны эпизоды и образы, связанные с индуизмом, их место и значение в конкретном фрагменте, характеристика Георгия Зыбина через индуистские символы.

Ключевые слова: символ, образ краба, двойник, теория бесконфликтности, лакировка действительности, Шива, тамас.

«Факультет ненужных вещей» - это вторая книга дилогии Домбровского (первая – «Хранитель древностей»), вышедшая в свет на русском в 1978 году, и то во Франции. В СССР он был издан только лишь 10 лет спустя [1]. Юрий Осипович начал писать роман в 1964 году. Закончил в 1975 году.

Роман богат на символы. Он буквально изобилует ими, причем разнородность символов поражает своим разнообразием.

Реализацию некоторых смыслов предлагаем рассмотреть в необычном ключе: трактовка их будет связана с индуистским началом в произведении, которое имеет место быть в тексте в конкретных эпизодах. Ранее это явление описано не было.

Внимание хотелось бы остановить на образе краба. Краб занимает одно из ключевых мест в системе символов. Он играет одну из самых важных ролей в произведении – является двойником главного героя романа Зыбина Георгия Николаевича. Доказательством этому являются следующие эпизоды.

1. «Вот крабов было тут больше всего – наверно, сотни, – всяких: желтых, красных, розовых, багровых, почти черных – их притаскивали из дома на лотках и осторожно расставляли по циновкам... Так они стояли на колючих ножках, сверкали лаком, походили то на туалетные коробки, то на туфельки-баретки, то на огромные круглые пудреницы, и вокруг них всегда толпились курортники. <...> ему тоже до зарезу нужен был краб, но не такой, как тут, а настоящий, черный, колючий, в шипах и натеках, с варварски зазубренными клешнями, в зеленых подводных пятнах на известковом шишковатом панцире – но именно таких на базар-то и не выносили».

Базар выступает в данном случае как человеческое общество, а крабы, находящиеся там, - люди, живущие и крутящиеся в нем. В эпизоде крабы на циновках похожи на что угодно, но не на крабов: туалетные коробки, туфельки-баретки, круглые пудреницы. Крабы – существа живые, а предметы, с которыми они сравниваются во фрагменте, – неодушевленные, это вещи. Крабы выглядят очень празднично, именно поэтому они привлекают внимание

курортников. «Праздничность» является маской, под которой скрываются это самая «неодушевленность». Но краба похожего на краба, краба «настоящего, черного, колючего, в шипах и натеках, с варварски зазубренными клешнями, в зеленых подводных пятнах на известковом шишковатом панцире» не выносят на базар. Его внешние черты слишком отличаются от черт вышеназванных крабов: он вызывает страх, он не такой праздничный, не такой яркий, он вооружен клешнями и панцирем. Отдыхающие безусловно не приобретут такого краба. Его не выставляют на базар, потому что он не такой как все. Он другой. Но именно так выглядит *настоящий* краб, об этом сказано даже во фрагменте: «<...> ему тоже до зарезу нужен был краб, но не такой, как тут, а *настоящий*». Настоящий краб противопоставляется ненастоящим, праздничным крабам.

Обратить внимание хотелось бы и на то, что праздничные крабы «сверкали лаком». Крабы лакировались, чтобы выглядеть праздничнее, красивее. Но под лаком оставался все тот же настоящий краб: колючий, с шипами, черный. Попытка продавцов скрыть настоящую непривлекательную внешность краба под слоем лака. Крабы, покрытые лаком, - это метафорическая аллюзия на явление, возникшее в советской литературе под название «лакировка действительности». Стремление советских властей показать через самые воздействующие источники – СМИ, литература – не всю трагичность обстановки, не насущные проблемы, требующие незамедлительного решения для блага общества, не горькую правду, а красивую, обнадеживающую картинку, характеризующую обстановку в лучшем беспроблемном, бесконфликтном, непротиворечивом свете. Создавалась иллюзорная действительность, то есть как «должно быть», когда на деле все было по-другому, не так «прекрасно». «Брежнев делал глубокомысленный вывод о «построении общенародного государства», а на Западе «обзывали» это государство тоталитарным» - пишет в своей книге «Да здравствует «Застой»!» Андрей Буровский [4]. Рядом с этим термином стоит еще один – теория бесконфликтности. «В наиболее обнаженном виде Б. «т.» проявилась в период культа личности И. В. Сталина как непосредственное порождение атмосферы парадности, настроений самоуспокоенности и показного благополучия, которые насаждались в эти годы. <...> В соответствии со своими взглядами сторонники Б. «т.» в литературе превозносили такие произв., в которых сов. действительность, трудная, полная героизма борьба народа за социализм и коммунизм, изображались поверхностно, в «облегченном виде», как праздничное шествие «от победы к победе», на эти произв. ориентировали творческих работников и читателей» - говорится в словарной статье «Краткой литературной энциклопедии» [5].

Исходя из вышеперечисленного становится очевидным, что крабы – это тот самый «факультет ненужных вещей», это толпа бюрократов и сталинских подчиненных, а настоящий краб – Зыбин, который противится и противостоит

толпе, который вооружен, как и краб, истиной, своей трезвостью ума и взглядом на происходящее, на ситуацию. Зыбина – несоветского человека – изолируют от советского общества, как краба изолируют и не выносят на базар, потому что он *настоящий*. Яркое противопоставление человека и толпы.

Краб – это двойник главного героя Георгия Зыбина. Настоящий краб в данном фрагменте – символ истины, символ настоящего.

Еще одним ярким доказательством метатекстовой линии двойничества является заточение Зыбина и краба. Для Георгия Зыбина заточением явились камера и карцер, для краба – кровать. В этой сюжетной линии наблюдается интересная закономерность, на которую мы обратили внимание: краба под кровать посадил Георгий Зыбин, являющийся двойником этого самого краба. Из этого следует вывод, что в заточение, то есть в тюрьму, Зыбин угодил не только лишь по прихоти властей : и собственные промахи привели его к аресту (бегство вместе с Кларой на Или, например).

2. «Краб неделю просидел под кроватью – он сидел все в одном и том же месте, около ножки кровати, и когда кто-нибудь наклонялся над ним – с грозным бессилием выставлял вперед зазубренную клешню. На третий день около усов показалась пена, но когда Зыбин к нему притронулся, он пребольно, до крови заклешнил ему палец. Тогда Зыбин ногой задвинул краба к самой стене – вот он там сначала и сидел, а потом лежал. На пятый день его глаза проросли белыми пятнами, но только Зыбин притронулся к нему, как он выбросил вперед все ту же страшную и беспомощную клешню (ох, если бы он умел шипеть!). На панцире тоже появилось что-то вроде плесени. На седьмой день Зыбин утром сказал Лине: «Больше я не могу – вечером я его выпущу».

В данном фрагменте краб ведет себя точно так же, как Зыбин вел себя во время ареста: то сидел, как Зыбин в камере, то лежал, как в карцере, то клешню выбрасывает – обороняется, как Зыбин на допросах. Глаза краба покрылись пятнами, будто бы ослеп. То есть он перестал видеть мир вокруг себя, как Зыбин перестал ощущать реальность и воспоминания о Лине, море, о чем также говорят его видения о Сталине. И к морю краба уносит никто иной как сам Георгий Зыбин. Краб боролся все эти дни со средой, которая ему чужда, и победил. Зыбин боролся в тюрьме со средой, которая ему чужда, и его выпустили на свободу.

В данном эпизоде краб – символ борьбы, символ противостояния.

Как мы указали выше, в произведении есть упоминание индуистской религии, а конкретнее – упоминается один из богов тримурти – идол Шива.

3. « <...> в середине ее сидел краб-крабище – царь крабов, крабий монарх этих берегов, огромная колючая уродина с зелеными змеючими глазами.

Вода не хлынула в ямину, и он так и остался сидеть, а когда Буддо наклонился, этот черт вдруг чуть не с шипом подскочил и выбросил уродливую шишковатую клешню, точь-в-точь заржавевшую скифскую железку. *Сейчас он походил на индийского многорукого идола – бога Шиву, что ли? – черного, древнего и страшного».*

Яркое сравнение краба с богом Шивой неслучайно. Если автор сравнил краба с ним, а Зыбин – двойник краба, то и сам Зыбин вправе называться идолом и сравниваться с многоруким богом.

Бог Шива – довольно противоречивый образ. Одновременно является носителем и созидательного, и разрушительного начал. Согласно индуисткой религии, Шива появляется там, где есть страдания. Шива разрушает мир страданий и создает другой мир, характеризующийся отсутствием этих самых страданий. Образно индуистского бога можно назвать разрушителем разрушений [2].

«Он – каратель всего живого, носитель разных видов оружия, воитель и вместе с тем хранитель лекарств, исцелитель, защитник скота» – пишет в своей книге Григорий Бонгард-Левин о Шиве [3]. В один ряд становятся слова, стоящие по своей семантики на двух противоположных сторонах. Каратель, но исцелитель. Воитель, но защитник. То есть в себе идол совмещает 2 разные ипостаси, одна из которых несет негативную нагрузку (разрушение), а вторая несет положительную нагрузку (созидание).

Георгий Зыбин характеризуется ровным счетом также – он стремится противостоять деспотическому, тираническому правлению в стране, он пытается открыть глаза людям на их существование. Зыбин хочет сломать, разрушить мир страданий – сталинский режим, он мечтает, как гуманист, о новом мире и является его пропагандистом, о мире демократии, где голосом будущего станет народ.

Шива обладал одним из трех основных качеств бытия, которые есть в каждом человек, согласно индуисткой религии, – тамасом [3]. Среди трёх гунн тамас является самой негативной. Основными ее характеристиками принято считать в первую очередь невежество, которое развивает впоследствии тьму, смерть, разрушение, лень, безумие и т.п. Характеристика невежество полностью реализовывается в романе Георгием Зыбиным. В толковом словаре

Ожегова «невежество» – это отсутствие знаний. Мы не хотим сказать о том, что Зыбин был недостаточно образован, наоборот, имел блестящее образование, глубокие познания в различных областях наук, широчайший кругозор. Но если обратить внимание на иллюстративную зону в словарной статье, обнаружим следующее «Обнаружить свое невежество в чем-нибудь» [6]. Георгий Зыбин обнаружил свое невежество в причине его ареста. Показателен диалог Буддо и Зыбина в камере:

- <...> А что они вам предъявляют? [Буддо]

- Не знаю. [Зыбин]

-И даже приблизительно не догадываетесь? [Буддо]

- Нет. [Зыбин]

Незнание причины, вечный ее поиск привели к развитию следующих характеристик гунны, которые сформировали внутреннее состояние Зыбина, когда он находился в тюрьме: лень – вечное сонное самочувствие героя, обусловленное тяжелой усталостью, причем не только физической, но и моральной; безумие – его видения, в которых он разговаривал с вождем, порицал его; тьма – в данном случае она является синонимом к невежеству, то есть незнание того, что ждет его в дальнейшем.

«Оказавшись под преобладающим влиянием гуны невежества, о сын Куру, человек погружается во тьму, делается сонным, утрачивает разум и становится жертвой иллюзии» - говорится в Бхагават-Гита [7].

То есть в данном эпизоде краб осмысляется как символ двух противоположных полюсов – разрушительного и созидательного.

Зыбина на протяжении романа называют хранителем древностей. «А по-нашему – хранитель древности» – представляет его директор музея Дубровскому. Древности – это найденные при раскопках экспонаты. Сама семантика слова «древности» говорит за себя – то, что сохраняется долгое время, то, что было давным-давно. То есть древность – это время. Зыбин – хранитель времени.

В индуизме Шива также является богом времени. Цитируем Бонгарда-Левина: «И поэтому он в курсе всех закономерностей развития универсума, что позволяет всем существам достичь совершенства и добиться самых высоких целей» [3]. Время – циклично. Быть связанным со временем значит знать не только прошлое, но и будущее. Это говорит о цикличности истории, о повторении уже прошедшего, возврат к ушедшему. И Зыбин, будучи хранителем древностей, прекрасно это понимает. Ярким примером служит эпизод, где Георгий Зыбин видит в своем видении вождя – Иосифа Сталина – и беседует с ним.

4. « <...> Будет война, голод, смерть, разрушение. Последние люди будут выползать откуда-то и греть ладони около развалин. Но и они не останутся в живых. Но знаете? Я благословил бы такой конец. Что ж? Человечество слукавило, сфальшивило, заслужило свою гибель и погибло. Все! Счет чист! *Можно звать обезьян и все начинать сначала <...>. Но мне страшно другое: а вдруг вы правы? Мир уцелеет и*

процветет. Тогда, значит, разум, совесть, добро, гуманность – все, все, что выковывалось тысячелетиями и считалось целью существования человечества, ровно ничего не стоит. И тогда демократия просто-напросто глупая побасенка о гадком утенке. Никогда-никогда этот гаденыш не станет лебедем <...>. Ох, как будет страшно, если кто-нибудь из вас – Фюрер или вы, Вождь, ее выиграете. *Тогда мир пропал*. Тогда человек осужден. На веки вечные, потому что только кулаку он и служит, только кнуту и поклоняется, только в тюрьмах и может жить спокойно <...>».

В данном случае прозвище Георгия Зыбина и есть символ – символ той функции, которую он выполняет – хранить время, которое быстротечно. И данный символ можно трактовать через призму индуизма.

Краб – один из ярчайших символов романа. На их примере можно пронаблюдать динамику смысловых полей, носителями которых символы являются. Один образ предстает в разных эпизодах с различных сторон, например краб. Меняется контекст – меняется метатекст символа. Двойничество главного героя с символами неслучайно: все значения, которыми наделяются символы, проецируются и на двойника – Георгия Зыбина. То есть сам Зыбин является символом, образом единства созидательного и разрушительного, символом противостояния, символом истины. Георгий Зыбин своего рода оппозиционер. Он противится внешнему натиску, но неотвратимо является и его частью.

Напрямую об этом в тексте не сообщается, но за «пределами» текста эта связь становится очевидной. И естественно все характеристики, касающиеся двойников главного героя, соотносятся и с ним самим, что демонстрирует ранее проанализированный пример сравнения краба и бога Шивы. Отсюда и следует трактовка и прочтение эпизодов сквозь призму индуизма и элементов, касающихся его.

Список литературы

1. Абдуллаева (Шамардина) Ю.Д. Романы Ю.О. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей»: Поэтика и концепция личности [Электрон. ресурс]. – 2003. – URL: <http://www.dissercat.com/content/romany-yuo-dombrovskogo-khranitel-drevnostei-i-fakultet-nenuzhnykh-veshchei-poetika-i-kontse> (дата обращения 07.04.2017)
2. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с немецкого Г.И. Гасва. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – С. 48-81.
3. Бонгард-Левин Г.М. 2-е изд. — Древнеиндийская цивилизация. – М.: Наука-ВЛ, 1993. – 317 с.
4. Буровский А.М. Да здравствует «Застой»! Лакировка действительности [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.e->

[reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii -
_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html](http://reading.club/chapter.php/150171/21/Burovskiii_-_Da_zdravstvuet_Zastoi!.html)

5. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. — М.: Сов. Энцикл., 1962—1978 [Электрон. ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke1/ke1-5771.htm> (дата обращения 20.04.2017)
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электрон. ресурс]. — URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 01.04.2017)
7. Семенцов В.С. Бхагавадгита: перевод с санскрита, исследования и примечания В.С. Семенцова [Электрон. ресурс]. — URL: <http://www.orlov-yoga.com/Gita/index.htm> (дата обращения 01.04.2017).

*С. Ю. Чубосова
Россия, Барнаул*

*Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель к.ф.н., доцент Н.Ю. Абузова*

МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА В ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «НЕСМЕРТЕЛЬНЫЙ ГОЛОВАН»

Аннотация

Статья посвящена изучению мифопоэтики Н.С. Лескова на примере повести «Несмертельный Голован», а именно рассмотрение мотива оборотничества, как одного из наиболее частотных и значимых в творчестве автора. Его истоки и видоизменения, семантические наполняющие, признаки и условия.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, архетип, мотив

Мотив оборотничества берет свои истоки в фольклоре, он закреплён в древних мифах как архетипическая схема метаморфоз в русских народных сказках: «Царевна-лягушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Финист-Ясный Сокол» и др.

Оборотничество – это перерождение, превращение, магическое изменение внешнего вида. Другими словами, это временное, контролируемое или неконтролируемое видоизменение с последующим возвратом к своему первоначальному виду. Так определяет мотив Л.Н. Виноградова.

«Мотив оборотничества в литературе базируется на маскировке, на некоторых тотемических¹ и анимистических² воззрениях о воплощении души человека в животном, растении, предмете, о человеческой или животной сути божеств. В оборотничестве отразились представления о двойной

---

¹ Тотемизм - некогда весьма распространенная и ныне ещё существующая религиозно-социальная система, в основании которой лежит культ так называемого тотема, который в данном случае - название животного, которому клан оказывает специальный культ // Академический словарь

² Анимизм - вера в существование души и духов, вера в одушевлённость всей природы // Академический словарь